

Н. А. Поликарпова

Идея смерти как наказания в древнеримской юридической традиции

Тема смерти как составная часть более общей проблемы ментальностей нашла отражение в богатом историческом наследии древнеримской цивилизации. Юридические тексты Древнего Рима отражают представления жителей «Вечного города» об одном из аспектов кончины – наказании смертью.

Ключевые слова: Законы XII таблиц, нормы обычного права, Институции Гая, наказание смертью, прекращение vitality, принцип талиона, гражданин, раб, гладиатор.

N. A. Polikarpova

The Idea of Death as a Punishment in the Ancient Roman Legal Tradition

The death theme as a component of a more general problem of mentalities has found its reflection in the rich historical heritage of the ancient Roman civilization. Legal texts of Ancient Rome reflect inhabitants' representations of "the Eternal City" about one of aspects of death – the punishment by death.

Keywords: Laws of XII tables, norms of a common law, Guy's Institution, punishment by death, vitality termination, the talion law, a citizen, a slave, a gladiator.

Все римские авторы, так или иначе, писали о смерти, однако в палитре богатого литературного наследия Древнеримской цивилизации ни одно произведение не содержит сколько-нибудь системного, целостного описания процесса прекращения vitality [1] и его апперцептивного (осознанного) восприятия. Представления о кончине в литературном наследии Древнего Рима встречаются преимущественно в виде отдельных вкраплений, имплицитных описаний частных случаев.

Таким образом, в ситуациях, когда художественное слово не было способно четко зафиксировать и визуализировать образ смерти, эту лауну восполнял, к примеру, формальный язык юридического текста. Так, в созданных в пространственно-временных границах древнеримского государства (VIII в. до н. э. – V в. н. э.) памятниках классического римского права – Законах XII таблиц и Институциях Гая – наиболее зримо воплотилась одна из ипостасей смерти – смерть как наказание.

Первая датируемая серединой V в. до н. э. кодификация римского права – Законы XII таблиц – стала результатом довольно длительного противостояния между двумя сословиями римского общества – плебеями и патрициями. Однако первоначально ни одной из антагонистических сторон не предполагалось создание писаного свода законов. Интересы плебеев в этой сфере не выходили за рамки ограничения власти высших должностных

лиц, осуществлявших судебные разбирательства на основе сохранившихся с первобытной эпохи норм обычного права, неясность которых открывала широкие возможности для злоупотребления вверенной данным магистратам властью [2]. Тем не менее, борьба по вопросу об ограничении полномочий патрициев привела к письменному закреплению существовавших ранее норм обычного права, которые были дополнены правовыми нормами, соответствовавшими достигнутому к V в. до н. э. состоянию римского общества. И хотя аутентичный текст Законов XII таблиц не сохранился, до наших дней он дошел благодаря содержащимся в сочинениях римских писателей и юристов [3] обширным цитатам из данного свода законов.

Законы XII таблиц [4], призванные регулировать общественную и частную сферы жизни обитателей республиканского Рима, воспроизводили в себе также, с той или иной степенью достоверности [5], особенности мироустройства и специфику восприятия действительности (куда органично вплетались и представления о смерти) представителями древнеримского социума.

Изменение общественных, государственных структур и других исторических реалий существования древнеримского общества вызвало необходимость появления новых институтов права. Так возникает не просто группа, серия нормативных

актов, а целый свод, упорядоченный сборник законов – Институции Гая II в. н. э. [6].

Сведения о создателе Институций – юристе Гае – очень скупы. Известно лишь, что он являлся выходцем из восточных провинций Римской империи и относился к сабинианской юридической школе. Практически полное отсутствие биографических сведений порождает множество спорных вопросов.

Сам источник представляет собой подготовленную в 50–60-е гг. II в. н. э. запись лекций Гая, которые, по-видимому, были изданы учеником или другом автора уже после его смерти, – точной версии по этому вопросу также нет. Текст являет собой не беспорядочное, несистематизированное собрание казусов, а четкую структуру, разделенную на четыре части – книги («О лицах», «О вещах», «Об обязательствах», «Об исках»), каждая из которых посвящена рассмотрению юридических ситуаций, возникавших при нарушении права собственности римских граждан.

Законы XII таблиц и Институции Гая – столь различные по объему, содержанию, времени и условиям создания юридические тексты – вместе с тем гармонично дополняют друг друга по вопросу о смысловом наполнении идеи «наказания смертью».

Наиболее известным и, пожалуй, самым древним типом смерти как наказания, зафиксированным в тексте Законов XII таблиц, но рудиментированным ко времени создания Институций Гая, можно считать лишение жизни по принципу талиона, предполагавшему в качестве ответной реакции на причинение вреда действие, аналогичное по силе, характеру, последствиям, суть которого воплощалась в формуле «око за око, зуб за зуб». По причине слабой дифференциации моральных норм, а также отсутствия необходимого многообразия и глубины нравственных категорий такое деяние не носило статуса преступного, а рассматривалось скорее как оправданное действие при достижении наиболее справедливого, по мнению древних римлян, наказания – отмщения. В соответствии с этим закон гласил, что в случае, если человек «причинит членовредительство и не помирится с [потерпевшим], то пусть и ему самому будет причинено то же самое» [7]. Так, к примеру, поджигателя хлеба или строений первоначально связывали, затем наказывали телесно и только после этого лишали жизни его же методом – сожжением [8].

Следующим проявлением пережитков прошлого можно считать смертельную расправу над человеком за лжесвидетельство [9], результатом которого в некоторых случаях становилось причинение вреда здоровью или смерть лица, подвергнувшегося

оговору. Текст Законов XII таблиц, как и в случае с талионом, фиксирует частное проявление кровной мести, допустимой в том случае, когда наговор не повлек необратимых последствий для оговоренного, и прямым проявлением принципа талиона, когда человек в результате ложного обвинения лишался жизни.

Проявлением «наказания смертью» можно считать и применение смертной казни «в том случае, когда кто-нибудь сложил или будет распевать песню, которая содержит в себе клевету или опозорение другого» [10]. Объяснить такую суровость можно тем, что «в примитивных обществах насмешка над человеком, нарушившим обычай, совершившим неблагоприятный поступок, была действенным оружием защиты “добрых нравов”, и объект насмешек так тяжело их переживал, что иногда кончал жизнь самоубийством» [11].

Другим примером стагнационного, атавистического варианта «наказания смертью», изжитого ко времени создания Империи, можно считать право кредиторов возмещать нанесенный им ущерб путем разрубания задолжавшего лица на части, пропорциональные размеру долга каждого [12]. Подобный вариант расправы применялся в данном случае по причине того, что «права кредитора не распространялись на имущество должника, которое еще не потеряло своего семейно-родового характера» [13]; потому неисправность должника в уплате вела к расправе над его личностью, позволявшей кредитору получить вместо материального возмещения убытков хотя бы моральное удовлетворение.

Лишение жизни как наказание в республиканский период римской истории применялось также к лицу, совершившему потраву или осуществившему преднамеренный поджог урожая в ночное время с обработанного плугом поля [14]. Подобный акт правосудия, воспринимавшийся в качестве своего рода жертвоприношения богине плодородия Церере, был прямым следствием негативного вмешательства в «сферу влияния» этого могущественного божества, что, согласно ожиданиям (ожиданиям) жителей республиканского Рима, неизбежно навлекало кару на все общество. В стремлении нивелировать гнев божества и обеспечить общественное спокойствие человеческая «жертва» в лице преступника считалась вполне валидным (приемлемым) наказанием.

Древнеримское общество, постулировавшее доминирование мужского начала как в публичной сфере, так и в семейной жизни, наиболее рельефно выявляло господство мужчины через неотъемле-

мое право домовладыки распоряжаться жизнью и смертью членов фамилии и других находившихся под его властью лиц.

Так, текстом Законов XII таблиц легализовывалось право главы семьи на умерщвление младенца, отличавшегося «исключительным уродством» [15]. Целями прерывания жизни физически несовершенного младенца являлись, во-первых, стремление древних римлян предотвратить вырождение общества, главным чаянием которого было воспитание сильных, выносливых воинов – будущих завоевателей и защитников государства; во-вторых, забота мужчины-домовладыки о продолжении рода посредством сохранения здорового, сильного и внешне привлекательного потомства. В подобных случаях, путем символического дезавуирования родственных связей, «нежелательный» представитель фамилии вытеснялся в разряд чужаков, воспринимавшихся, особенно на ранних стадиях римской истории, в качестве врагов и подлежащих физическому устранению.

Вероятно, случаи возведения индивида в статус «врага», заслуживавшего смертельного наказания, не были редкостью. Так, за убийство отца или иного близкого родственника преступника нередко лишали жизни путем утопления в кожаном мешке. При этом, как отмечает исследователь Г. И. Тираспольский, «есть основание считать, что здесь проглядывает древнее поверье, согласно которому человек, помещенный в шкуру животного, сам становится таким животным или, по меньшей мере, приобретает его характерные черты» [16]. Символический акт уподобления человека животному имел во времена Империи важную смысловую нагрузку, снимая с «палача» часть ответственности за умерщвление гражданина. Готовность к лишению жизни соотечественника проявлялась с еще более очевидной навязчивостью по отношению к негражданам и рабам, причем текст обоих сборников законов закрепляет за господином права жизни и смерти над принадлежащим ему рабом [17]. Таким образом, в случае преступления, совершенного сыновьями и рабами, отцу или господину предъявлялись иски, предписывавшие принять на себя последствия совершенного преступления в виде вознаграждения пострадавшего «или же выдать головою виновного» [18].

Развитие института рабства приводило к появлению все более разнообразных, изощренных вариантов смертельного наказания для рабов: от сбрасывания со скалы или растерзания дикими животными [19] до распятия на кресте.

При этом «римляне рассматривали любого раба в качестве врага, поэтому считали, что кол-

лективные варианты экзекуции являются наилучшей защитой от постоянно исходящей от него опасности» [20]. Запреты кровной мести и самосуда в отношении римских граждан способствовали все более частому применению наказания рабов смертью – это был способ выплеска накопившихся негативных эмоций со стороны коллектива граждан. Подобные действия можно воспринимать еще и как стремление на время отгородиться от чрезмерного контроля над жизнью, «которая всегда была, как известно, пронизана духом права, законности» [21].

Кроме рабов, к категории несвободных причислялись гладиаторы [22], упоминания о которых в тексте Институций Гая могут свидетельствовать о том, что в первые века Империи бои гладиаторов приобретали все большую популярность в Риме. Это предположение подтверждается многочисленными свидетельствами. Вот, например, что говорил о гладиаторских боях известный римский государственный деятель, философ, писатель Сенека: «...чтобы заполнить перерыв между боями в первой и второй половине дня, в качестве промежуточного акта, на арену выпускали неопытных и почти беззащитных жертв для обоюдного убийства, чтобы оставшиеся на своих местах зрители, лишившись домашнего обеда, могли утолить хотя бы свою кровожадность» [23]. Подобные зрелища сопровождалась бесчисленными смертями участников жестоких схваток, а массовый спрос и изощренный вкус на подобные увеселения вызывали необходимость создания изуверских состязаний, приводивших ко все большей душевной заскорузлости представителей римского общества. Как справедливо отмечал все тот же Сенека, «утром люди отданы на растерзание львам и медведям, а в полдень – зрителям» [24].

В ряде случаев к гладиаторам относились хуже, чем к рабам. Так, «если кто незаконно убьет чужого раба или чужое четвероногое домашнее животное, тот обязывается уплатить хозяину высшую рыночную стоимость убитого за этот год» [25], а в случае физических недостатков, существовавших у раба до смерти, убийца должен был выплатить штраф без учета этих увечий [26]. Цена же нанятого гладиатора, погибшего на арене, была фиксированной, то есть физическое состояние того или иного гладиатора, его первоначальная стоимость в расчет не брались.

Кроме того, если убийство раба предусматривало выплату штрафа хозяину в качестве средства восполнения потери, то смерть гладиатора в бою,

при отсутствии договора найма, никакого материального возмещения не предполагала [27].

Более того, гладиатор считался существом презренным и зачислялся в разряд *infames* – «опозоренных»: он не мог выступать в суде защитником или давать показания по уголовному делу, ему отказывалось, как и самоубийце, в почетном погребении [28].

Итак, смерть как наказание за несоблюдение установленных законом норм и правил поведения была широко распространена на всех этапах существования Древнеримской цивилизации, но имела разные проявления. В эпоху Республики, когда из общественного сознания еще до конца не были вытеснены пережитки прошлых времен, лишение жизни в качестве варианта экзекуции распространялось на всех жителей государства. При этом способы приведения смертного приговора в исполнение были весьма вариативны (сожжение, расчленение, сбрасывание со скалы, утопление и др.), однако доминантным было не столько причинение физического страдания, сколько желание скорейшего отмщения.

Во времена Империи, в условиях дезавуирования «наказания смертью» в отношении граждан, лишение жизни как расплата за правонарушения не утратила былого значения и масштабности. Но теперь вся мощь данного наказания была направлена против зависимых категорий граждан, а также лиц, не имевших гражданского статуса, и лишь в редких, особо тяжких случаях, – против членов римской гражданской общины. Приоритетное значение при осуществлении смертельного приговора теперь имело стремление причинить осужденному максимально сильную боль, что позволяло не только следовать букве закона, но и испытать удовлетворение от созерцания исполняемого приговора. В связи с этим арсенал экзекуционных мер становится все более разнообразным и изощренным [29].

Таким образом, в Древнем Риме смертному наказанию всегда придавали особое значение. Причем если на ранних этапах римской истории лишение жизни считалось одной из действенных мер, способных предотвратить разложение общества, то в эпоху Империи наказание смертью превратилось в зрелище и стало существенной предпосылкой этого разложения.

Примечания

1. Hope, Valerie M. *Death in ancient Rome: a source book* [Text]. – NY. , 2007. – P. 4.

2. Грималь, П. *Цивилизация Древнего Рима* [Текст]. – Екатеринбург, 2008. – С. 137.

3. Там же.

4. *Законы XII таблиц // Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана* [Текст]. – М. , 1997.

5. При попытке воссоздания ментальных конструкций, моделей поведения, ценностных ориентиров древних римлян на основе текста Законов XII таблиц нельзя не учитывать того, что, по справедливому замечанию исследователя О. Омельченко, римское право в этот период не только отделяло членов римской общины от неримлян, но и носило сословный характер даже внутри самого Рима, учитывало интересы и чаяния господствующего социального слоя – патрициев, нередко элиминируя действительные потребности иных общественных страт. См. : Омельченко О. Римское право. – М. , 2000. – С. 7.

6. *Институции Гая // Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана* [Текст]. – М. , 1997.

7. *Законы XII таблиц*, VIII, 2.

8. Муромцев, С. А. *Гражданское право Древнего Рима* [Текст]. – М. , 2003. – С. 109.

9. *Законы XII таблиц*, VIII, 23.

10. Там же, VIII, 16.

11. Штаерман, Е. М. *Римское право* [Текст] // *Культура Древнего Рима* : в 2 т. – Т. 1. – М. , 1985. – С. 214.

12. *Законы XII таблиц*, III, 6.

13. Муромцев, С. А. *Гражданское право Древнего Рима* [Текст]. – М. , 2003. – С. 113.

14. *Законы XII таблиц*, VIII, 9.

15. Там же, IV, 1.

16. Тираспольский И. Г. *Беседы с палачом. Казни, пытки и суровые наказания в Древнем Риме*. [Электронный ресурс]. URL: <http://biblioteki.net/viewtopic.php?t=143481>.

17. *Институции Гая*, I, 52.

18. Там же, IV, 75.

19. Там же, I, 13.

20. Хёфлинг, Г. *Римляне, рабы, гладиаторы: Спартак у ворот Рима* [Текст]. – М. , 1992. – С. 179.

21. Винничук, Л. *Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима* [Текст]. – М. , 1988. – С. 319.

22. *Институции Гая*, IV, 146.

23. Цит. по: Хёфлинг, Г. *Римляне, рабы, гладиаторы: Спартак у ворот Рима* [Текст]. – М. , 1992. – С. 12.

24. Там же.

25. *Институции Гая*, IV, 210, 214.

26. Там же, IV, 214.

27. Там же, IV, 146.

28. Сергеев, М. Е. *Жизнь в Древнем Риме: очерки быта* [Текст]. – М. ; Л. , 1964. – С. 229.

29. Подробнее о существовавших вариантах экзекуции см. Тираспольский И. Г. *Беседы с палачом. Казни, пытки и суровые наказания в Древнем Риме* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: <http://biblioteki.net/viewtopic.php?t=143481>.